

О ТЕХ, КОГО
МЫ ВИДИМ
НА СЦЕНЕ

ТВОРЧЕСТВО

Попробовала себя в балете, училась музыке. Но настоящее призвание нашла в драматическом искусстве.

Первая роль в горьковской пьесе памятна на всю жизнь. Памятна потому, что принесла первое удовлетворение и немало уверенности в себе, в своих силах, в правильности выбора. Памятна потому, что принесла первое волнение, присущее настоящему артисту.

Многое поняла, многому научилась Валентина Евгеньевна Панова за тридцать лет сценической жизни, но не разучилась волноваться перед каждым выходом на сцену. Но ведь это волнение необходимо. Если гаснет взволнованность, появляется равнодушие к огням рампы, к невидимому со сцены зрителю — гибнет в человеке настоящий актер.

Наш советский театр богат отличными режиссерами и актерами, умеющими волноваться, а значит, и творить. С такими людьми и работала Валентина Евгеньевна и в молодости, и в более зрелые годы. Первый учитель в студии Кашии, режиссер Художественного театра Загаров, в Сибири — работа с Самборской, во Владивостоке — с Надеждовым, Гловацким. Они учили сценическому искусству, подмечали

даже самую маленькую удачу, строго осуждали даже самую незначительную фальшь. Они сами умели творить и требовали от своей ученицы бесконечной преданности, полной отдачи себя творчеству.

Владивостокский театр гастролирует по пограничным заставам Дальнего Востока, знакомит с искусством героев Халхин-Гола. Страшные, совсем не дальневосточные морозы, не приспособленные для театра казармы, «пятак» пола вместо сцены, одеяла взамен занавеса. Валентина Евгеньевна Панова в одной из своих любимых ролей — Виола из шекспировской «Двенадцатой ночи». Из зала смотрят солдатские глаза, понимающие, тонко чувствующие, счастливые. Гордые за них — актеров. Вот тут она особенно отчетливо поняла, как нужно искусство — то, что она делает, людям.

Когда в театр издали, с запада, обьётого пожаром войны, приходили письма и солдаты писали, что помнят артистку, которую видели в своем театре, что образы, созданные ею, помогают в жизни, помогают на войне, она была счастлива, что ее труд нужен людям.

Одиннадцать лет назад Валентина Евгеньевна Панова приехала в наш город.

Автор пьесы, режиссер — не только они создают образ героя. Актер, выходя на сцену, остается один на один со зрителем. Чутко, каким-то шестым чувством, замечает он со зрителями есть контакт, зритель волнуется, принимает, реагирует. Это самое трудное — установить такой контакт. Удастся это только тогда, когда с первым шагом на сцене забывается, остается где-то далеко все житейское. Все, кроме образа, кроме творческого порыва, ощущения приподнятости, полета.

Валентина Евгеньевна умеет это. Умеет, измученная ноющей болью сломанной руки (ведь вы видели, сейчас она играет с рукой на перевязи) выйти на сцену и играть гнев, радость, веселый смех, счастье и искреннее горе матери. В последние дни в постановках «Опасный возраст» и «Рассудите нас, люди» она играет роли

матерей. Образы двух совершенно разных женщин, которых роднит, сближает одинаково безграничная любовь к дочерям, вытеснены с большой творческой силой.

Сыграны десятки ролей. В памяти артистки остаются лучшие из них. Помнят о них и зрители. Они были разными, образы, которые создавались ею на сцене. Общее было в них одно — творческое горение.

Виола в «Двенадцатой ночи» Шекспира, Рашель в «Вассе Железновой» Горького, Маргарет в «Краже» Джека Лондона, Бажена — «Под каштанами Праги» Симонова, царица Анна в пьесе Островского «Василиса Мелентьева», леди Мильфорд в пьесе «Коварство и любовь» Шиллера, Мария Петровна в «Дикарке» Островского...

Сыгранные тонко, освещенные большим дарованием, они до сих пор в памяти рыбинских любителей театра.

Каждая новая роль кажется ей по сравнению с предыдущими «самой трудной и самой страшной». Это уже профессиональное — текст роли заучивается быстро. Но до создания образа еще далеко. В репликах, в оценках других персонажей, в незначительных, может быть, штрихах, разбросанных по пьесе, находят черты характера, мотивировки поведения. Постепенно «лепится» образ. Он создается не на репетициях только. Мысли о нем — и дома, и на улице. Бывает, уже на двадцатом, пятидесятом спектакле вдруг находится что-то, проливающее новый свет на образ, вдруг засверкают какие-то новые его грани.

Это и есть творчество. Ради них, может быть немногих минут счастья найденного, ради поисков и находок забывается все: и усталость от долгих репетиций и частых спектаклей, и трудности выездов, и холод «сцены» неприспособленного помещения, и «полосы» неудач. Ощущение творчества навсегда привязывает к театру, как привязало оно Валентину Евгеньевну Панову, одну из старейших артисток нашего театра.

В. Шилов.